

Виталий Тельвак

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ НА ПОГРАНИЧЬЕ (Львов как центр формирования украинской национальной историографии)

Феномен Восточной Галиции как многонационального пограничья давно стал излюбленной темой ряда европейских историографий, прежде всего польской и украинской. Ученые исследовали специфику формирования этнической структуры региона, культурное взаимовлияние населяющих его народностей, особенности социального и политического развития, проследили генезис многочисленных конфликтных ситуаций и попыток их урегулирования. В центре внимания традиционно доминирует длительное польско-украинское противостояние в регионе, которое охватило все сферы жизни на протяжении XIX – первой половины XX в. Но в последнее время все более популярной выявляется проблема «третьей» этнической составляющей региона, а именно еврейской общины, которая становилась активным игроком на общественно-политическом поле Восточной Галиции в обозначенный нами период. Эти проблемы практически маргинализировали другие исследовательские сюжеты, на один из которых мы хотим обратить внимание в настоящей публикации. По нашему убеждению, достаточно интересно взглянуть на такой феномен Галиции с точки зрения функционирования профессиональных интеллектуальных сообществ, в частности исторического. Для нас представляется важным проследить, каким образом факторы пограничья как пространства особого цивилизационного, политического, экономического и культурного взаимодействия влияли на направления и интенсивность модернизационных изменений в украинской исторической идеологии и науке конца XIX – начала XX в. Ведь именно земли Восточной Галиции в это время становятся центром развития украинской гуманитарной науки. Для большей корректности нашего историографического ана-

лиза будем постоянно держать в поле внимания состояние исторической науки в приднепровской Украине, представители которой заложили серьезный фундамент для институционального и концептуального формирования украинской истории в течение всего XIX в. (в первую очередь, это М. Максимович, М. Костомаров, В. Антонович). Предложенный аспект научного поиска позволит также существенно дополнить традиционные для современных исследователей проблемы изучения восточно-галицкой проблематики. Например, популярные исследования польского и украинского национальных движений в Галиции во второй половине XIX – начале XX в. обычно акцентированы на идеологической и политологической составляющих. Избранный нами ракурс позволяет не только реконструировать историко-концептуальные основания идеологических моделей украинского и польского национального движения, но и, что не менее интересно, проследить роль историков в процессах активного национостроительства. Так, обратив внимание на полученное образование и профессиональную заинтересованность галицких политиков второй половины XIX – начала XX в., как польских, так и украинских, мы выявили, что большинство из них были профессиональными историками. За исходный пункт нашего историографического анализа мы избрали процессы структурирования украинского научного сообщества в Восточной Галиции конца XIX – начала XX в.

Сначала очертиим событийный контекст нашей проблемы. Восточная Галиция во второй половине XIX в. представляла собой экономически отсталую автономную провинцию Австро-Венгерской империи, в которой малочисленные представители украинской интеллигенции (преимущественно греко-католическое духовенство) вели перманентную борьбу с польским доминированием, поддерживаемым из Вены. Постоянная вражда поляков и украинцев в крае вредила нормальному развитию обоих народов, мешая реализовывать актуальные национальные задания. Это стало на повестку дня необходимость польско-украинского примирения, несколько неудачных попыток которого были проведены в течение второй половины XIX в. Переломное значение для развития галицкого украинства и украинско-польских отношений в Галиции в конце XIX в. имели события «новой эры». В условиях обострения международных отношений между Австро-Венгрией и Россией в 80-х гг. XIX в. Вена всячески содействовала укреплению народнического крыла украинского политикума в Галиции, которое стояло на антироссийских позициях. По инициативе киевских общественных деятелей в 1885–1890 гг. была достигнута договоренность с польскими консерваторами о начале «новой эры» в украинско-польских отношениях, согласно которой поляки соглашались дать определенное пространство для культурного развития украинцев Галиции, расширения их участия в политической жизни (с целью противодействия симпатизирующим России москвофилам)¹. Следствием соглашения, планы которого разрабатывались в Киеве, а не во Львове, была стремительная активизация украинской культурной и политической жизни, повлекшая формирование кадров модерной украинской интеллигенции, которая поставила вопрос о равноправии украинцев и поляков в Галиции. Чрезвычайно

важными были последствия «новой эры» и для развития украинской исторической науки. Основанная во Львовском университете кафедра украинской истории (официально называлась кафедрой всемирной истории с обзором истории восточного славянства) с украинским языком преподавания, вывела украинскую историю из любительской сферы в академическую. Это придало украиноведческим исследованиям дисциплинарный статус. А организационный и научный талант занявшего эту кафедру М. Грушевского способствовал превращению Львова в украинский Пьемонт. Заметим, что роль М. Грушевского в интеллектуальной истории Галицкой Украины исследуемого периода была знаковой. М. Грушевский, известный в первую очередь своими научными достижениями (и сторонний относительно галицких политических конфликтов), оказался той фигурой, вокруг которой смогли объединиться все украинские интеллектуалы в реализации национального проекта. Исследователи единодушны в признании украинской национальной жизни в Галиции конца XIX – начала XX в. как «эпохи Грушевского».

В начале 90-х гг. XIX в. распространенный в Российской Украине образ Галиции как национального лидера был в значительной мере преувеличен. Украинцы на галицких землях оказались расколотыми политически – на лагерь пророссийски ориентированных москофилов и народников, которым близки были лозунги украинского национального возрождения. Наиболее заметная галицкая научная институция – Научное общество имени Шевченко (далее – НОШ) – оказалась чрезвычайно слабой организационно и научно; к тому же в нее, из-за господства народников, был закрыт доступ приверженцам других политических ориентаций. Именно на реорганизацию этой «твёрдыни народничества» обратили первоочередное внимание украинские интеллектуалы во второй половине 90-х гг. XIX в. Заметим, что обсуждая модель перестройки НОШ, большинство украинских деятелей апеллировало к близкому польскому опыту, который был реализован в другом культурном центре Галиции – Кракове, где путем реорганизации организационных структур Краковского научного общества была образована Академия знаний (на языке оригинала – Akademia Umiejętności). Адаптация этого готового образца облегчалась тем, что многие украинские ученые были членами или членами-корреспондентами польской Академии и принимали активное участие в ее работе – назовем хотя бы Антония Петрушевича, Исидора Шараневича и Михайла Грушевского². Как и польские коллеги, украинские ученые начали реорганизационную деятельность с изменения устава НОШ, приближая его к академическим образцам. Согласно новому уставу, деятельность НОШ сосредоточивалась в трех секциях: филологической, историко-философской и математически-естественнонаучно-медицинской. Следующей была проблема деидеологизации. Именно она вызвала больше всего дискуссий среди украинских интеллектуалов Галиции и привела к серьезному кризису в НОШ, в результате чего у руля институции в 1897 г. оказался М. Грушевский. Он и провозгласил основным критерием НОШ проведение плодотворного и качественного научно-исследовательского поиска. Наиболее ярко эти установки проявились в случае

с привлечением к работе Ивана Франко. Последний, без сомнения самый выдающийся в то время украинский гуманитарий, длительное время оставался вне сферы деятельности этой институции лишь потому, что принадлежал к иному политическому крылу галицкого политикума. Время доказало, что выбор М. Грушевского на пост председателя НОШ вполне оправдал себя. Невзирая на давление со стороны различных политических сил, курс на приоритет науки ученый будет неуклонно проводить на протяжении всех семнадцати лет своего председательства.

Возглавив НОШ, М. Грушевский в первую очередь взялся за организацию научной работы «в реформированном, но совсем еще не выведенном на научную дорогу Научном обществе им. Шевченко»³. Его видение идей и целей деятельности находим в статьях и выступлениях на собраниях НОШ. В первую очередь, это была идея украинской национально-культурной самостоятельности, воплощенная в науке и литературе на украинском языке. Вторая – идея соборности украинских земель и признания того, что Украина, разделенная между двумя империями, есть, по существу, единой, как единым есть украинский народ, а между Киевом и Львовом лежит не национально-этническая, а лишь территориально-географическая граница. Одной из форм объединения украинцев должна была стать национальная история, осмыслить и переосмыслить которую стремился и сам М. Грушевский⁴. Исходя из этого, он стремился добиваться «как можно более тесных связей между Украиной австрийской и российской в интересах успешного развития украинской культурной жизни силами всех частей украинской земли...»⁵. Наконец, третья идея, которую закладывал ученый в основу НОШ – это идея украинского демократического просвещения через возрождение и развитие науки и культуры как главной предпосылки национального освобождения. По глубокому убеждению ученого, основная задача заключалась в осознании того, что «научная работа лежит в основе культурного продвижения и без сильной культурной основы невозможны никакие прочные политические или национальные достижения, никакое основательное и поступательное продвижение народа вперед».

М. Грушевский поставил себе целью, опираясь на широкие круги общественности Галиции и приднепровской Украины, добиться постепенного превращения НОШ в Украинскую академию наук, что, в свою очередь, утвердило бы культурное равноправие украинцев с другими европейскими народами. Начиная с 60-х гг. XIX в. различные славянские народы, которые не имели государственности, учреждают свои национальные академии. Так, в 1866 г. утверждается Югославянская академия наук и искусств. В 1871 г. было преобразовано в Академию наук Krakowskie научное общество. В 1886 г. на основании Сербского научного общества создается Сербская академия наук, а в 1889 г. Чешское научное общество реарганизуется в Чешскую академию наук и искусств. Эти примеры славянских народов Австро-Венгерской империи вдохновляли М. Грушевского и других деятелей украинского национального движения. Сам факт существования такой Академии, по справедливому убеждению М. Грушевского, «дал бы окончательное право украинскому языку, как языку

культурному, способному к научному употреблению»⁶. Задача превращения НОШ в Украинскую академию наук стала объединительной идеей для разрозненных украинских научных сил, символом борьбы за освобождение украинцев от векового порабощения. Через много лет, будучи академиком Украинской академии наук, М. Грушевский вспоминал: «План реорганизации Общества был создан по образцу академии, а инициаторы этой реформы считали, что через несколько лет научно-исследовательской и научно-издательской деятельности этого реформированного Общества, австрийское правительство не откажет ему в титуле Академии Наук. Эти надежды скоро развеялись, но идея украинской академии наук укоренилась в национально-культурных научных кругах и нашла множество адептов, свободных от всякого политанства – она сделалась настоящим национальным постулатом»⁷.

Задачи НОШ в направлении переориентации его работы на академические коны ученым изложил в записке к общему собранию этой институции в 1898 г. В ней, в частности, говорилось, что НОШ должно стать «центром научной работы на родном языке... собрать вокруг себя широкий круг научных работников, верных народным интересам, организовать научную работу и через нее воспитывать новых работников, новые научные кадры»⁸. Чтобы реализовать эти задачи, на общем собрании в феврале 1898 г. был принят новый Устав, утвержденный Галицким наместничеством в апреле того же года. Оценивая реформу в отчете о деятельности НОШ, М. Грушевский обратил особенное внимание на то, что «ее главной чертой было углубление научного характера деятельности... через изменение всей организации общества»⁹. М. Грушевский инициировал введение с 1899 г. института выборных действительных членов как элитной научной структуры. О большом международном авторитете НОШ свидетельствует участие его членов в разнообразных международных форумах, обмен изданиями с многочисленными научными учреждениями и издательствами мира. Широкие связи НОШ с международным научным сообществом подтверждал состав его иностранных членов, в числе которых были А. Эйнштейн, М. Планк, Д. Гильберт, А. Иоффе, Т. Масарик, А. Шахматов и многие другие известные ученые.

С приездом во Львов М. Грушевский особенное внимание обратил на научные издания, в первую очередь на «Записки НОШ», редактирование которых полностью переходит к нему в 1895 г. Здесь интересно отметить влияние польской научной периодики Львова на формирование структуры украинских исторических изданий. Так, в одном из писем М. Грушевского к И. Крипъяковичу читаем: «Редакция решила, кроме отдела критики и ежегодных отчетов, давать библиографический реестр – подобно как в “Kwartalniku Historycznym” – книг, статей и рецензий из следующих отраслей: археологии, истории материальной культуры, искусства»¹⁰. В течение короткого времени М. Грушевский реформировал журнал из ежегодника в ежеквартальник, а впоследствии – в двухмесячник. Были увеличены также объем и тираж издания. С 1897 г. «Записки» становятся печатным органом не всех трех секций НОШ, а лишь историко-философской и филологической. М. Грушевский из-

меняет также (согласно классическим европейским образцам) структуру «Записок», которая включала научные статьи, *miscellanea* (мелкие источниковедческие публикации), документальные материалы и рецензионный отдел. Вскоре «Записки» превращаются в самый авторитетный украиноведческий орган, где сам М. Грушевский был наиболее активным автором и одновременно талантливым редактором. Среди авторов реформированного издания встречаем Ивана Франко, Владимира Гнатюка, Александра Конисского, Кирилла Студинского, Василия Щурата, Александра Колессу, Вячеслава Липинского, Владимира Шухевича, Федора Вовка и других выдающихся украинских гуманитариев. К середине 1913 г. под редакцией М. Грушевского вышло свыше 100 томов «Записок».

Важной задачей, стоявшей перед украинской исторической наукой в конце XIX в., было создание жизнеспособного национального исторического гранд-нarrатива, который можно было бы противопоставить историческим концепциям польских и российских ученых. Последние в своих работах разрабатывали модели «большой российской» или «большой польской» нации, «расторвя» историю украинцев в собственных синтезах. Это задачу можно было осуществить лишь при условии перевода научных занятий на профессиональную основу и превращения украиноведения из любительского поиска в организованный коллективный процесс. Поэтому со всей остротой стала проблема формирования национальной исторической школы. М. Грушевский тоже взялся за решение этой неотложной задачи. Его надежды в этом плане на Львовский университет оказались напрасными – препятствовала шовинистическая часть польской профессуры. Университетская власть, принадлежавшая полякам, контролировала лекции М. Грушевского, чтобы он на своих занятиях не занимался политической агитацией молодежи. Так, еще в 1895 г. декан исторического факультета К. Войцеховски, посетив семинары М. Грушевского, назвал его научные аргументы о ключевых моментах украинской истории «политическими»¹¹. М. Грушевскому, который принципиально выступал на заседаниях факультета на украинском языке (в университете формально равноправными были два так называемых краевых языка – украинский и польский), иногда даже запрещали говорить «по-мужицки». Он в таких случаях оставлял заседания со скандалом, как это случилось, например, в 1901 г.¹² Учитывая эти обстоятельства, основная работа по воспитанию новых кадров была перенесена на заседания Историко-философской секции НОШ¹³.

До М. Грушевского в Галиции никто специально не занимался подготовкой научных кадров среди национальных историков. Он первым обратил внимание на эту важную проблему, создав собственную научную школу, деятельность которой охватывала следующие направления: образовательное (подготовка историков-профессионалов), научно-исследовательское (разработка широкого круга проблем истории Украины), археографическое (проведение экспедиций, поиск новых источников) и издательское (распространение научных достижений через периодические и специальные печатные издания). Профессорская должность позволяла

М. Грушевскому подбирать себе учеников из наиболее способных к научной работе студентов, что было одним из необходимых условий создания исторической школы. Они (Ем. Терлецкий, Д. Коренец, М. Кордуба, С. Томашевский, С. Рудницкий, О. Целевич, В. Герасимчук, И. Джиджора, И. Кревецыкий, И. Крипъякевич и др.) и составили ядро его школы¹⁴. Общее количество представителей Львовской исторической школы М. Грушевского, по подсчетам И. Крипъякевича, достигало сотни человек¹⁵. В отборе творческой и талантливой молодежи и создании необходимых условий ее быстрого научного становления сказалась характерная черта М. Грушевского как выдающегося организатора науки¹⁶. В целом можно утверждать, что благодаря разнообразным направлениям деятельности исторической школы М. Грушевского в национально-культурной полифонии Львова в конце XIX – начала XX вв. ощутимым был голос украинцев.

Быстрое научное становление представителей Львовской школы М. Грушевского, высокий профессиональный уровень их работ создали целостный синтез украинского прошлого, который теперь можно было противопоставить историческому экспансионизму польских и российских ученых. Направляя научный поиск своих учеников таким образом, чтобы их исследования представляли монографическую обработку малоизученных ключевых моментов украинского прошлого, М. Грушевский концентрировал все усилия на создании национального гранд-нarrатива. Как отмечал ученый в своей «Автобиографии»: «Написание целостной истории Украины еще в киевские времена стало моей задушевной мечтою, в известной степени вопросом чести своей и своего поколения, невзирая на то, что и самые видные репрезентанты украинской историографии старшей генерации тогда еще считали это идеей, для которой не наступило время, – не хватает материала, остаются огромные пробелы и т.д.»¹⁷. Важным подготовительным этапом был курс лекций, прочитанный им в 1890-х годах во Львове. Сначала Грушевский намеревался издать сравнительно небольшое трехтомное исследование. Но в процессе проработки материала его труд разрастался и в конечном результате представил собой незаконченный десятитомник (автор хотел довести изложение до конца XVIII ст., но успел подготовить материалы лишь до 1658 г.).

Работа над первым томом продолжалась два года – он вышел из печати в конце 1898 г. Выход первого тома совпал с грандиозным празднованием столетия украинского национального возрождения, которое исчислялось от публикации «Энеиды» Ивана Котляревского, ставшей, как писал в предисловии к книге М. Грушевский, для него своеобразным личным приветом¹⁸. В конце XIX – начале XX в. увидели свет и следующие тома этого издания. Некоторая задержка отдельных книг была вызвана разного рода обстоятельствами – политическими событиями, чтением лекций, отъездом за границу и т.д. М. Грушевский продолжал работать над «Историей» и по возвращении из эмиграции на Украину. В 1928 и 1931 гг. в Киеве появились две части девятого тома книги. Десятый том был напечатан в 1936 г. уже после смерти ученого. Отдельные тома «Истории Украины-Руси» неоднократно переиздавались при жизни

автора (первый том – трижды, второй, третий, четвертый и восьмой – дважды). С целью популяризации основных идей своей историографической концепции в европейских научных кругах, М. Грушевский в 1906 г. опубликовал немецкоязычное издание первого тома, а начиная с 1911 г. несколько томов «Истории» появились в русском переводе.

Наиболее важным моментом концепции М. Грушевского была идея о непрерывном становлении украинской нации. Многие российские историки того времени традиционно считали, что татарское нашествие привело к опустошению Приднепровья и к эмиграции его коренного населения на северо-восток. Предшественники М. Грушевского (киевские историки М. Максимович, В. Антонович и М. Владимировский-Буданов) своими исследованиями доказали, что запустение не было тотальным – большая часть населения осталась, продолжая развивать древнерусские культурные и общественно-политические традиции. М. Грушевский, присоединяясь к этому взгляду, подчеркивал, что главная роль в заселении Приднепровья и возобновлении политических традиций принадлежала «не пришлому, а местному населению, которое никогда не исчезало»¹⁹.

Другим не менее важным моментом исторической модели М. Грушевского была соборность, утверждение целостности географического ареала проживания украинского этноса. В связи с этим ученый много места уделяет освещению истории тех украинских территорий, которые находились в стороне от главных, в историческом и этническом понимании, земель.

Необходимость оппонировать польскому и российскому видению украинского прошлого привела к тому, что М. Грушевский значительное место в «Истории Украины-Руси» отвел анализу польско-украинских и российско-украинских отношений, исследованиям межнационального противостояния на украинских землях, размышлениям над генезисом этнических конфликтов и путях их преодоления. Особенно остро он полемизировал с польскими коллегами. Привлекая значительное количество нового документального материала, М. Грушевский показывает широкую картину постепенного экономического закабаления автохтонного населения украинских земель польской шляхтой, разрушения традиционных культурных и религиозных основ народной жизни под прессом ассимиляционной политики с середины XIII в. и до начала «хмельниччины». Авторское видение проблемы польско-украинских отношений вызывало острые полемические замечания со стороны польских исследователей, особенно относительно тех историографических конструкций, которые были сформулированы с позиции украинской национальной идеологии. Однако наибольшим недостатком «Истории Украины-Руси» для критиков М. Грушевского была попытка заострения украинско-польского противостояния во всех возможных измерениях общественной жизни. Для глубокого национального конфликта, убеждали они, тогда не было никаких весомых оснований. А поэтому выводы украинского ученого не только безосновательны, но и излишне политизированы, вызваны напряжением в отношениях двух народов в начале

XX в. Именно эти обстоятельства, как отмечал, например, Л. Колянковский, привели к тому, что «неимоверно трудолюбивый, просто неутомимый исследователь, в своей работе, которая имеет все черты научного произведения, дает отступления и целые разделы, которые подобают лишь публицисту. К этой категории следует отнести постоянно задеваемые им струны польско-украинской ненависти, так что даже временами складывается впечатление, будто она и есть целью автора»²⁰. Однако общее впечатление от труда М. Грушевского и оценка его профессионального мастерства были чрезвычайно высокими. «Труд г. Грушевского, – отмечал О.Брикнер, – является славным свидетельством учености и универсальности автора. Он вполне овладел огромной литературой предмета – археологической, исторической, филологической, в первую очередь, российской, перед этим для Европы семью печатями закрытой; просто удивляет нас начитанностью, знанием наиболее специальных, мелких, нередко забытых трудов российских и немецких ученых. С этой сказочной начитанностью идет в паре скорость мысли, самобытность суждений, совершенный метод – все это мерой вполне необычной»²¹. Поэтому теперь наиболее принципиальные дискуссии всех национальных школ Украины происходили вокруг тех проблемных линий, по которым М. Грушевский начал отделение украинской истории от «обычных схем» соседей, творя национальный гранд-наратив.

В наиболее концентрированном виде концепция М. Грушевского была изложена в широко известной статье «Обычная схема “русской” истории и задача рационального изложения истории Восточного Славянства» (1904), которую он подготовил в связи с намерениями Академии наук в Петербурге издать энциклопедию славяноведения²². Основная идея статьи сфокусирована в тезисе о том, что украинский, российский и белорусский народы имеют свою отдельную историю, которая разворачивалась на их собственных территориях. Распространенной в науке «москвоцентричной» схеме он противопоставил «украинско-белорусско-российскую» схему. «Общерусской» истории – утверждал М. Грушевский, – нет и быть не может, как нет «общерусской» народности. Может быть только история «русских народностей», если кому-то хочется ее так называть, или история Восточного Славянства. Она и должна стать на место “русской истории”».

С историографической ценностью концепции М. Грушевского тесно связано ее политическое значение, ведь историк считал главным жизненным заданием не только написать историю Украины, но и исторически доказать право украинского народа на самостоятельное культурное и политическое развитие. Труд М. Грушевского предоставлял серьезные теоретические обоснования для украинского национального движения и легитимизации его требований²³.

Активизация культурной и общественной жизни естественно повлекла за собой модернизацию идеологических основ украинского политического движения. Примечательно, что в авангарде политической жизни также были ученые-гуманитарии, в первую очередь историки. Но теперь традиционному расколу на московофилов и народников был противопоставлен политический проект, который призывал дис-

танцироваться от польских политических кругов и дрейфа в фарватере польской политики. К украинским деятелям пришло понимание того факта, что политика «новой эры» является ущербной, поскольку требует сдачи базовых национальных позиций в обмен на мелкие уступки польской стороны в экономической или культурной сферах. Это понимание повлекло критику польско-украинского соглашения и привело к переформатированию украинского политического ландшафта в Галиции. Осознав изъяны народнической политики, галицкие общественные деятели – М. Грушевский, И. Франко, Ю. Романчук, Е. Левицкий, В. Охримович – начали реформировать народничество, следствием чего явилось создание в 1899 г. Национально-демократической партии (НДП)²⁴. Примечательно, что программа новой партии отображала качественно иной уровень исторической идеологии и национальных ожиданий, которые были сформулированы в многочисленных научных и публицистических выступлениях М. Грушевского и И. Франко. В ней, в частности, отмечалось: «Мы, Галицкие Русины, часть украинско-русского народа, который когда-то имел свою государственность, веками боролся за государственно-политические права... заявляем, что окончательной нашей целью является культурная, экономическая и политическую самостоятельность объединенного в одно целое национального организма...»²⁵. В программе НДП ближайшим стратегическим заданием в национальной сфере рассматривалось получение территориями Буковины и Галиции, населенными украинцами, статуса автономии. Партия также заявила о поддержке украинцев Приднепровья в их борьбе за конституционное и федеративное переустройство Российской империи. В программу также были включены демократические требования – введение прямого общего и тайного голосования на выборах, установление пропорциональной системы представительства национальных меньшинств в органах государственной власти, отмена избирательных округов. «Наш национализм должен быть насквозь демократическим» – утверждала программа, а идеалом провозглашалась Украина-Русь «без мужика и господина»²⁶. Заметим, что НДП, исповедуя названные выше идеологические принципы, сохранила лидерство в украинской политической жизни Галиции вплоть до провозглашения Западно-Украинской Народной Республики.

Реализация программы НДП требовала большого напряжения национальных усилий и значительно заострила и без того непростые польско-украинские взаимоотношения. Например, М. Грушевский отмечал, что в условиях конституционного государства, которым являлась Австро-Венгрия, «Галиция стала пробным камнем для польско-украинских отношений». Система управления Галицией, сложившаяся в XIX в., полностью противоречила национальным интересам украинского населения. Завоевав доверие австрийского правительства, польские правящие круги получили эти земли в свое полное и бесконтрольное управление. На изменение этой ситуации и была направлена украинская политика конца XIX в.

Проиллюстрируем остроту этого противостояния на примере борьбы за украинский университет в Галиции, во главе которой стали НОШ и его председатель.

Примечательно, что украинцы Галиции сначала выдвинули лишь требование увеличения во Львовском университете количества украинских кафедр и расширения в нем прав украинского языка. Однако упрямое сопротивление поляков, их желание видеть Львовский университет исключительно польским заведением, вызывали активное противодействие украинцев, которое вылилось в движения за создание отдельного украинского университета во Львове. Один из главных идеологов этого движения М. Грушевский писал: «Во Львове, столице Галицкой Руси, в центре национальной культурной жизни не только австрийской, а всей Украины-Руси... в первую очередь должна быть удовлетворена потребность украинско-русского народа. Львовский университет принадлежит русинам!»²⁷. «Разумеется, – писал в другом месте М. Грушевский, – пока этого отдельного университета нет, нам необходимо добиваться увеличения количества русских кафедр в Львовском университете»²⁸.

М. Грушевский знакомил украинское общество с аргументами поляков относительно невозможности и ненужности открытия украинского университета и публично выражал свое мнение по этому вопросу. На основе фактического материала он доказывал необоснованность польских аргументов, акцентируя внимание на двух основных моментах: во-первых, Львов является «центром национальной жизни украинского народа Галиции», во-вторых, «число студентов-русинов Львовского университета служит наглядным свидетельством качественного и количественного роста интеллигенции». Университетский вопрос, по определению ученого, стал индикатором польско-украинских отношений в Галиции и «приобрел значение национального вопроса».

К движению за создание своего высшего учебного заведения присоединились украинские студенты всей империи. В июле 1899 г. во Львове было проведено студенческое вече, в котором приняли участие представители украинского студенчества из всех австрийских университетов. С тех пор такие студенческие вече стали традиционными и происходили ежегодно. М. Грушевский по поводу студенческого вече 8 октября 1901 г. отмечал, что хоть студенты требовали создания полностью украинского университета, они пока готовы были согласиться с преподаванием предметов на украинском языке на медицинском, юридическом и философском факультетах. Говоря о необходимости введения украинского языка как языка обучения во Львовском университете, М. Грушевский писал: «Пока язык не нашел места в высшей школе, пока он не служит органом преподавания в университетах и других учебных заведениях, пока он не стал орудием научной работы в преподавании и литературе, до тех пор общество, народность, которая разговаривает на этом языке, будет чувствовать себя в положении более “низкой”, культурно неравноправной нации». Ученый справедливо считал, что проблема языка становится вопросом жизни и смерти: “быть или не быть” нациальному существованию». Но правительственные круги Галиции не обратили внимания на требования украинских студентов и профессоров. Тогда студенты организовали (1901–1902) акцию, которая известна под названием «сепаратизм». Львовские студенты-украинцы перешли учиться в другие

университеты. Польское руководство университета видело в М. Грушевском едва ли не самого главного идеолога и организатора этих акций²⁹. Противостояние между поляками и украинцами в стенах Львовского университета настолько заострилось, что, как пишет сам М. Грушевский в дневнике, он определенное время «преподавал с револьвером в кармане»³⁰.

Активно борясь за украинскую высшую школу, члены НОШ подготовили мемориал по учреждению украинского университета во Львове, который специальная делегация представила австрийскому правительству в 1902 г. Однако в силу доминирующего польского влияния все эти меры не имели успеха и были реализованы лишь после Первой мировой войны в виде Украинского тайного университета во Львове³¹. Отсутствие своего университета галицкие интеллектуалы пытались компенсировать путем организации во Львове всеукраинских летних курсов. Так, в 1903 г. по инициативе НОШ были организованы научные лекции по археологии, а в 1904 г. проведены курсы по вопросам украиноведения для молодежи из приднепровской Украины и Галиции. Цель этих курсов была вполне конкретная: «...Дать возможность прослушать лекции на украинско-русском языке по самым важным общественным дисциплинам; провести занятия по предметам, которые не представлены в программах здешних высших школ, но которые очень важны для нашего национального состояния; помочь в подготовке курсов в тех отраслях украиноведения, где их еще нет; создать поле новым научным силам для будущей академической деятельности»³². На этих курсах изучались история украинской литературы и культурного движения в Галиции, история Западной Европы (в связи с Украиной), языкознание, естественные науки, антропология, этнография, этнология. Занятия проводили ведущие украинские гуманитарии – Михаил Грушевский, Иван Франко, Владимир Гнатюк, Николай Ганкевич и др.

Наряду с высшей школой не меньше внимания обращалось и на перестройку украинского среднего образования в Восточной Галиции. Украинских интеллектуалов чрезвычайно волновало то убогое состояние, в котором оказалась украинская школа, – в прессе того времени находим яркие описания бесправия украинцев в сфере образования и критику школьных порядков³³. Так, на 1903/04 учебный год в Восточной Галиции было 25 польских школ, четыре украинские и две немецкие. В 1910/11 учебном году во Львовском воеводстве среди 420 государственных школ лишь три были с украинским языком обучения (Львовская, Перемышльская, Коломыйская). Одна польская средняя школа приходилась приблизительно на 30 тыс. польского населения, одна украинская – на 820 тыс. украинского. Следовательно, коренное украинское большинство Восточной Галиции, которое количественно превышало поляков в 4 раза, средних школ с украинским языком имело в 6 раз меньше. Причина, из-за которой поляки оказывали сопротивление образованию украинцев, была понятна: распространение украинской средней школы послужило бы мощным средством культурного подъема.

В этих условиях было решено организовывать частные учебные заведения, к которым польская школьная администрация не имела б доступа. Первым в Галиции об этом заговорил председатель НОШ³⁴. Он бросил клич: «Сами основываем свои собственные частные школы»³⁵. Показывая пример, в 1904 г. М. Грушевский создал на свои средства украинскую учительскую семинарию в Коломыи, а впоследствии помогал строительству гимназии в Рогатине. М. Грушевский был убежден, что только таким путем можно создать школу, свободную от галицких школьных властей, привлечь к преподаванию лучших украинских педагогов, обеспечить новое направление воспитания. «Открывая свои частные школы, – писал он, – мы ставим действительно нерукотворный памятник, укрепляем себя как народ, воспитываем собственную интеллигенцию...»³⁶.

Эти идеи выдающегося ученого-историка получили не только широкий резонанс, но и приобрели практическое воплощение. В 1908–1914 гг. в Галиции общими усилиями прогрессивной украинской интеллигенции при активной поддержке общественности была осуществлена широкомасштабная кампания организации полноценных частных учебных заведений различных типов: гимназий, учительских семинарий, начальных школ, что имело большое значение для национального строительства.

Подводя итоги, можно сказать, что поликультурный характер галицкой интеллектуальной среды стимулировал модернизационные процессы во многих сферах духовной и общественно-политической жизни украинцев. Наличие либеральной австрийской конституции, необходимость идентифицировать себя в многонациональной конкурентной среде и противостоять экспансионистским устремлениям польских интеллектуалов – все это способствовало становлению национального организма и вынуждало продуцировать новые формы сопротивления, при этом нередко копируя их у оппонентов. Именно эти факторы, по нашему убеждению, привели к тому, что в конце XIX – начале XX в. центром украинской национальной жизни стала Восточная Галиция.

Безусловно, рассмотренный нами в статье аспект лишь очерчивает задекларированную в заглавии тему, которую смело можно рассматривать как перспективное направление в современной интеллектуальной истории, расширив ее до формулировки «Интеллектуалы на пограничье». Следующим шагом на этом пути, по нашему мнению, должно стать компаративное исследование всех национальных историографий, которые развивались в регионе, учитывая индивидуальные стратегии их развития и необходимость сосуществования в территориально локализованной конкурентной среде. Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на польский и еврейский историографический контексты. При этом отметим, что современная разработка проблематики пограничья Восточной Галиции позволяет поставить задачу значительно шире, обратив внимание, например, на армянскую и белорусскую интеллектуальные составляющие в поликультурном многоголосье этого региона.

Все это поможет реконструировать цивилизационный образ Восточной Галиции во всей полноте его культурных и этнических составляющих.

Примечания

- ¹ См. дет.: Чорновол І. Польсько-українська угода 1890-1894 pp. Львів, 2000. С. 28–32.
- ² См. дет.: Telwak W. Organizacja i działalność Lwowskiego Grona Komisji Historycznej Akademii Umiejętności // Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. Rok L. Kraków, 2005. S. 13–25.
- ³ Грушевський М.С. Автобіографія, 1906 // Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського / Упоряд. та підгот. текстів та фотоматеріалів / комент. та приміт. А.П. Демиденка. К.: Веселка, 1992. С. 201.
- ⁴ Жулинський М. Концепція національної культури Михайла Грушевського // Київська старовина. 1992. № 6. С. 12.
- ⁵ Хроніка НТШ. 1909. Ч. 31. С.2.
- ⁶ Грушевський М. Три академії // Вісник Академії Наук України. 1991. № 11. С. 89–100.
- ⁷ Грушевський М. З нагоди 150-ої книги “Записок” // Записки НТШ. Т. 150. 1929. С. 1.
- ⁸ Грушевський М. Наукова діяльність Товариства ім. Шевченка в 1896 і 1897 pp. Записка до загального збору 1898. // Записки НТШ. 1898. Т. 21. С.10.
- ⁹ Записки НТШ. 1899. Т. 26. С.4.
- ¹⁰ Кріп'якевич Р. Михайло Грушевський та іван Кріп'якевич (За матеріалами неопублікованого листування та мемуарів) // Іван Кріп'якевич у родинній традиції, науці, суспільстві / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць, 8. Львів, 2001. С. 346.
- ¹¹ Расевич В. Еволюція поглядів Михайла Грушевського в перший рік після приуття до Львова // Михайло Грушевський і Львівська історична школа. Матеріали конференції. Нью-Йорк-Львів, 1995. С. 112.
- ¹² Лист проф. Грушевського до декана Твардовського зараз по інциденті з дня 11 сього місяця // Діло. 1901. Ч. 260–261. 3 грудня.
- ¹³ См. дет.: Кріп'якевич І. Історично-філософічна секція НТШ під керівництвом Михайла Грушевського у 1894–1913 роках // Записки НТШ. Праці Історико-філософської секції. Львів, 1991. Том CCXXII. С. 392–411.
- ¹⁴ Педич В. Історична школа Михайла Грушевського у Львові. Івано-Франківськ, 1997. С. 54–97.
- ¹⁵ Кріп'якевич І. Михайло Грушевський. Життя і діяльність // Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського / Упоряд. та підгот. текстів та фотоматеріалів / комент. та приміт. А.П. Демиденка. – К.: Веселка, 1992. С. 460.
- ¹⁶ Дащекевич Я. Михайло Грушевський і початки організації української науки // Вісник АН УРСР. 1991. № 9. С. 52–60.
- ¹⁷ Грушевський М.С. Автобіографія, 1906 // Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського / упоряд. та підгот. текстів та фотоматеріалів, комент. та приміт. А.П. Демиденка. К.: Веселка, 1992. С. 206.

История и историки на Пограничье

- ¹⁸ Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т. 12 кн. (Редкол. : П.С.Сохань (голова) та ін.). К.: Наукова думка, 1991. Т. 1. Передмова до першого видання.
- ¹⁹ Там же. С. 147.
- ²⁰ Kolankowski L., Hruszewski M. Istorija Ukrainy-Rusi. T. IV, V, VI // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1913. S. 357.
- ²¹ Brückner A. Dogmat normański // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1906. S. 665.
- ²² Грушевський М. Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії східного Слов’янства // Статті по славіановеденню. Спб., 1904. Вип. 1. С. 298–304.
- ²³ См. дет.: Ісаєвич Я. Праця Михайла Грушевського “Про дві схеми східноєвропейської історії” – історіографічний і політичний контекст // Михайло Грушевський і Західна Україна. Доповіді й повідомлення наукової конференції. Львів: Видавництво “Світ”, 1995. С. 83–90.
- ²⁴ Кухар В. М.Грушевський і створення Національно-демократичної партії // Михайло Грушевський і Західна Україна. Доповіді й повідомлення наукової конференції. Львів: Видавництво “Світ”, 1995. С. 277–280.
- ²⁵ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848-1914 на підставі споминів. Львів, 1926. С. 327.
- ²⁶ Діло. 1900. 5 січня.
- ²⁷ Грушевський М. Добиваймося свого університету! // Діло. 1897. Ч. 147.
- ²⁸ Грушевський М. Справа українського університету у Львові // Літературно-Науковий Вісник. 1899. Т. 8. С. 84.
- ²⁹ Цит. по: Расевич В. Еволюція поглядів Михайла Грушевського в перший рік після прибуття до Львова. С. 113.
- ³⁰ Щоденники М.С.Грушевського (1904-1910 pp.) // Київська старовина. 1995. № 1. С. 21.
- ³¹ Качмар В., Марискевич Т. М.Грушевський і змагання за український університет у Львові // Михайло Грушевський і Західна Україна. Доповіді й повідомлення наукової конференції. Львів, 1995. С. 25–27.
- ³² Грушевський М. Українсько-руські наукові курси // Літературно-Науковий Вісник. 1904. Т. 27. С. 102–113.
- ³³ См. напр.: Грушевський М. Про українську мову і українську школу. К., 1912.
- ³⁴ Грушевський М. Що ж далі? (В справі руських гімназій) // Літературно-Науковий Вісник. 1905. Т. 29. С.1–5.
- ³⁵ Цит. по: Винар Л. Михайло Грушевський і НТШ. Мюнхен, 1970. С.8.
- ³⁶ Грушевський М. Українські приватні школи // Календар “Просвіти” на 1911 р. Львів, 1910. С.195–207.